

ЭКОНОМИЧЕСКИЙ КРИЗИС 2010-Х ГГ.: СОЦИАЛЬНО-ПОЛИТИЧЕСКИЕ ИСТОКИ И ПОСЛЕДСТВИЯ

Г.И. ХАНИН,

доктор экономических наук, профессор,
Сибирский институт управления – филиал Российской академии народного хозяйства
и Государственной службы при Президенте РФ,
Новосибирский государственный технический университет,
г. Новосибирск, Россия,
e-mail: khaning@academ.org

На основе альтернативных макроэкономических оценок анализируется развитие российской экономики в постсоветский период. Прогнозируется, что экономический кризис 2013–2014 гг. при неизменной экономической политике будет длительным и иметь значительные социально-политические последствия. Подробно анализируются умеренно-либеральный вариант изменения колеи российской истории и модернизации российского общества, его сильные и слабые стороны.

Ключевые слова: русская власть; макросоциология; история России; экономика современной России; реформы в России; альтернативные макроэкономические оценки российской экономики.

THE ECONOMIC CRISIS OF 2010S: THE SOCIAL AND POLITICAL ORIGINS AND CONSEQUENCES

G.I. KHANIN,

Doctor of Economics (DSc), Professor,
The Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration,
Siberian Institute of Management,
Novosibirsk State Technical University, Novosibirsk, Russia,
e-mail: khaning@academ.org

On the basis of alternative macroeconomic estimations, the development of the Russian economy in the post-Soviet period is analyzed. It is argued that, if the existing economic policy remains unchanged, the economic crisis of 2013–2014 is expected to be deep and lasting, and would have far-reaching social and political implications. The article contains an in-depth analysis of the moderate liberal course of action to change the route of the history of Russia, as well as the way of Russia's modernization, revealing their advantages and disadvantages.

Keywords: political authorities in Russia; macrosociology; Russian history; modern Russian economy; reforms in Russia; alternative macroeconomic estimations for the Russian economy.

JEL classifications: E01, E02, O11.

1. Экономический кризис

Характеристика нынешнего периода как поворотного в послесталинской истории России стала уже общим местом. Но ему не хватает убедительности, без опоры на объективную оценку состо-

яния и перспектив экономики России. Социологи и историки, не владея методами экономической статистики, вынуждены опираться на официальную статистику. Хотя и им было бы полезно поискать альтернативную оценку. Менее простительна позиция российских экономистов. Они просто обязаны были проверить обоснованность официальных оценок: Слепое следование официальной оценке является очень серьезным свидетельством непрофессионализма.

Я занимался альтернативной оценкой макроэкономической статистики СССР начиная с 1973 г. Многолетние исследования разными методами позволили выявить колоссальные искажения макроэкономических данных в СССР¹. Достаточно сказать, что национальный доход СССР за 1928–1987 гг., по моим подсчётам, вырос не в 90 раз, как показывало ЦСУ, а лишь в 6,9 раза, в 13 раз меньше.

Альтернативные оценки макроэкономических показателей продолжались мною, вместе с моими коллегами, и применительно к экономике РФ. При этом использовались, в связи с изменением характера экономической информации, наряду со старыми и новые подходы. Проведенные расчеты позволили установить, что серьезные искажения в макроэкономической информации продолжались и в постсоветский период. В одних областях и в отдельные периоды они могли сокращаться, в других областях и в другие периоды – росли. Важно то, что, в отличие от советского периода, речь уже часто не только о количественных расхождениях с официальными данными, но о других, качественных, тенденциях. Очевидно, российские статистические органы все ещё не сбросили сталинской шинели макроэкономических фальсификаций.

Наши расчеты за 1987–2007 гг. (Ханин, Фомин, 2008) с учётом последующих досчётов показали, что ВВП РФ до сих не достиг уровня 1987 года (86%), а в сфере производства товаров отставание еще больше. В то же время Росстат показывает превышение этого уровня. При этом, если в 1990-е гг. официальная динамика ВВП даже превышала снижение ВВП, то в 2000-е произошло значительное завышение его роста: вместо официального прироста за 2001–2007 гг. в 82% он составил 48%. Но наибольшее отклонение от данных Росстата обнаруживается в динамике важнейшего для определения будущего российской экономики показателя – динамике основных фондов. В то время как Росстат показывает их рост около 45% за 1987–2011 гг., наши расчеты фиксируют их падение на 35–40% за тот же период (в сфере производства товаров – еще больше). Это падение значительнее, чем во время Великой Отечественной войны. При этом в 2000-е гг. произошло лишь замедление их проедания. Рост ВВП в 2000-е обеспечивался лишь благодаря тому, что к началу периода в результате кризиса 1990-х гг. имелись огромные резервы производственных мощностей и незанятой рабочей силы. Благодаря наличию огромных резервов производственных мощностей в советский период и изменению структуры экономики в пользу малофондовых отраслей сферы услуг за весь период и, особенно, в 2000-е гг., произошло значительное снижение фондоемкости ВВП. Вместе с тем производительность труда в экономике еще не достигла уровня 1987 г., что объясняется ухудшением качества трудовых ресурсов. Это компенсировалось привлечением в экономику огромного количества гастарбайтеров, что привело к значительному росту занятости. Помогла и исключительно благоприятная внешняя конъюнктура (она в любой момент может измениться). Все эти временные факторы экономического роста иссякли к 2008 г. Отсюда – сначала застой 2008–2012 гг., а затем и начало кризиса в 2013-м, когда ВВП снизился на 2–3%, вместо объявленного Росстатом роста на 1,3% (Ханин, Фомин, 2013). Это падение продолжилось примерно в том же размере и в первые месяцы 2014 г.² (Ханин, Фомин, 2014).

С точки зрения динамики экономических показателей нынешний период очень напоминает начало и конец 1980-х гг., канун перестройки и крушения СССР. И он хуже, чем в конце 1920-х, в канун перехода к командной экономике. Это и определяет поворотный пункт текущего этапа российской истории.

Есть все основания предполагать, что при сложившейся социально-экономической системе этот кризис растянется на долгие годы. При нынешней норме накопления основных фондов в ВВП в размере лишь 12%, по оценкам программы международных сопоставлений ВВП ООН, объем основных фондов, по нашим расчетам сокращается на 1% в год. В то же время ожидается значительное сокращение трудовых ресурсов. Это сокращение не компенсируется улучшением качества трудовых ресурсов или ростом фондовооруженности. Напротив, в постсоветский период происходило падение их качества в связи со значительным ухудшением качества обучения в средней школе, средней профессиональной и высшей школе. Что касается последней, то ее низкий уровень характеризуется лишь незначительным числом российских вузов в общем количестве лучших вузов мира. Гастарбайтеры имеют крайне низкий профессиональный уровень. Огромный урон был нанесен естественной науке. Произошла огромная утечка мозгов. Размер этой утечки характеризуется не столько общим количеством уехавших ученых, сколько их качественным составом. Достаточно

¹ Результаты этих исследований изложены в кн.: (Ханин, 1991).

² Статья поступила в редакцию в мае 2014 года, в связи с чем приводимые статистические данные относятся к началу этого года.

сказать, что из четырёх ныне здравствующих лауреатов Нобелевской премии наших соотечественников, проживает в России лишь один (Жорес Алферов); из восьми лауреатов приравняваемой к ней премии Филдса по математике – тоже только один (Григорий Перельман).

Сложившаяся в постсоветский период экономическая система носит застойный характер. Крупный капитал, за редкими исключениями, малоинициативен и своекорыстен, в ущерб развитию производства. Он образовался преимущественно в результате грабительской приватизации. Средний капитал несколько эффективнее вследствие лучшего происхождения, но сосредоточен преимущественно в сфере наиболее рентабельных услуг. Мелкий капитал малочислен и маломощен³. Государственная собственность плохо контролируется и управляется часто малокомпетентными людьми, оказавшимися там в результате приятельских связей с высшими сферами управления и использующими эту собственность в целях личного обогащения.

В 2000-е гг. российское руководство пыталось сочетать рыночную экономику и государственное управление экономикой, усиливая роль государственного сектора. Поскольку оба сектора оказались крайне неэффективными, в результате получился уродок. Еще худшими уродиками оказались органы власти и общество. При таком состоянии институтов бессмысленно пытаться предотвратить экономический и социально-политические кризисы в России. Дело усугубляется огромными потерями российского человеческого капитала в XX и начале XXI вв., от чего в конечном счете зависит и состояние институтов.

Нет необходимости доказывать, что события вокруг Украины еще больше осложнили положение и перспективы российской экономики.

Возникает сомнение, имеется ли вообще выход, или Россия обречена. Любой врач знает, что есть безнадежные больные. Однако против такой пессимистической оценки говорит тысячелетняя история России, которая переживала еще большие кризисы и выжила. Что вовсе не гарантирует спасения от краха в будущем, если сидеть сложа руки.

Смелую попытку обрисовать выход предпринял выдающийся, по моему мнению, российский макросоциолог Николай Розов. Отталкиваясь от его книги «Колея и перевал. Макросоциологические основания стратегий России в XXI веке», вышедшей в 2011 г. (*Розов, 2011*), я попробую рассудить, насколько этот выход реален, оставляя в стороне многие другие стороны содержания.

Розов в своей книге подробно рассматривает особенности русской системы власти, сложившейся давно и сохраняющейся в главных чертах веками, несмотря на отдельные изменения. Он называет это колеей русской истории. Полагая эту колею губительной для России, Розов предлагает оригинальный план выхода из этой колеи, преодолевая перевал на путях демократизации и модернизации российского общества. Оригинальна в этой книге не цель, а средства ее достижения.

2. Концептуальное снаряжение подъема на перевал

Исходная предпосылка стратегии подъема на перевал (из колеи циклов – к новой логике исторического развития) состоит в том, что это «будет долгий ступенчатый процесс» (*Розов, 2011. С. 408*). В этой связи автор сочувственно цитирует мнение Ю. Левады, что процесс займет не менее 40–50 лет. Если вспомнить, как долго шла к демократии классическая страна демократии Англия с момента возникновения политических партий в конце XVII в., до введения всеобщего избирательного права в 1918 г., этот срок не покажется чрезмерным. Верно, что исторический процесс ускорился, что вырос образовательный уровень населения. Но и при этом, как показывает опыт даже самых успешных стран, процесс демократизации – дело не одного десятилетия, и он может прерываться (как в Германии во времена фашизма). Н.С. Розов тщательно и вдумчиво анализирует все развилки и сложности на выделенных им трех этапах постепенной демократизации и показывает условия, а нередко и методы преодоления возникающих на каждом этапе сложностей и возможностей попятного движения. Отмечу только некоторые из высказанных автором в этой связи соображений. Обращает на себя внимание и вызывает сомнение утверждение, что в начале 1990-х гг. реформаторские силы сами проводили трансформационные реформы (*Розов, 2011. С. 412*). Они это делали в союзе и даже преобладании во власти прежней номенклатуры, на что, кстати, указывал в других местах сам автор. Но многие его соображения в этой части являются оригинальными и хорошо продуманными.

Н.С. Розов тщательно анализирует состав политических сил и идеологических течений современной России для выявления возможности создания коалиции сил демократизации и приходит к пессимистическому выводу (*Розов, 2011. С. 432*), хотя шанс не исключает. Заслуживает поддержки

³ См. более подробно в: (*Ханин, 2013*).

редчайшее в устах российского либерала утверждение: «первое, что должно заботить членов коалиции при мирной полиархии – это новые структуры ответственности (политической, административной, экономической, финансовой, правовой, моральной), которые должны «подхватить» социальное целое при демонтаже прежних авторитарных и коррупционных структур» (Розов, 2011. С. 439). Слово «ответственность», особенно применительно к себе, нечасто звучит у российских либералов, которые удивляются, почему вновь и вновь терпят поражение.

Н.С. Розов, тоже в отличие от традиционных российских либералов, положительно относится к национальной идее. Это не удивительно, если вспомнить о значении, которое он придает эмоциональной энергии (следуя за арабским философом VII в. Ибн-Халдуном). С этой идеей он связывает новую трактовку «величия России» как высокого геоэкономического и геокультурного престижа (Розов, 2011. С. 456). Вопрос заключается в способах достижения этого престижа, в его институциональных и человеческих предпосылках, во взаимосвязи текущих и долгосрочных факторов престижа, которые могут влиять на движение в разных направлениях. Я об этом скажу подробнее ниже, а сейчас отмечу, что достижение этого престижа требует огромных средств, которые надо взять у населения или, как минимум, у его части. Этот вопрос автор обходит, возможно, из-за недостатка экономического материала. Данный момент очень нелегко совместить с поддержкой рекомендуемых автором преобразований различными слоями населения, имеющими различные и часто противоположные интересы.

Н.С. Розов подробно анализирует такие необычные (или лучше сказать, пока мало распространенные в России), но необходимые для реализации постепенного демократического перехода практики политического поведения, как приоритет отчуждения насилия, политического компромисса, оппортунистического поведения, преодоления самодержавного комплекса. Автор не только провозглашает эти принципы, но подробно показывает, как их претворить в жизнь (Розов, 2011. С. 467–473). При всей их очевидности для демократического общества, данные принципы плохо приживаются в российском обществе, хотя прогресс по сравнению с советским периодом здесь очевиден.

Размышляя об институциональных предпосылках демократического перехода, автор, к сожалению, почти вскользь упоминает о селекторате, фактор которого обсуждался в предыдущей части книги (Розов, 2011. С. 372). Селекторат понимается им как теневая группа, не реализующая административную власть в государстве, но определяющая, кто во власти находится (Розов, 2011. С. 372). Здесь же я рассмотрю более общую тему правящих и интеллектуальных элит.

Ленин и Сталин безуспешно пытались создать интеллектуальную элиту коммунизма, открывая привилегированные высшие партийные школы с привлечением для преподавания лучших, даже не марксистских, сил, но в удушающей атмосфере репрессий и преследования инакомыслящих из этого мало что могло получиться. Вместо элиты получились клики. Не было условий для формирования полноценной элиты и у демократической оппозиции в СССР. Не нужно удивляться, что с таким правящим слоем провалился в СССР и авторитаризм, и демократический транзит.

Над проблемой формирования в России эффективного правящего слоя много размышляют и современные российские идеологи авторитаризма. Назову очень популярную сейчас среди них идею современной опричнины (Михаил Юрьев, Андрей Фурсов) или размышления Максима Калашникова и Сергея Кугушева над значением тайных организаций в формировании западного общества (Калашников, Кугушев, 2006. С. 668–693). И кто не знает роли университетов Лиги плюща или Токийского университета, Кембриджа и Оксфорда в формировании современных эффективных государственных и общественных структур США, Великобритании и Японии!

3. Дорожная карта модернизации и демократизации

Наиболее общей чертой предлагаемой дорожной карты является смещение центра тяжести борьбы с кавалерийской атакой на «русскую власть» на ее медленную осаду и постепенное преобразование.

Н.С. Розов, насколько я его понял, видит причину поражения демократических сил в России не только в проигрыше номенклатуре, но и в том, что они не сумели показать населению свою полезность для него и благодаря этому завоевать у него авторитет. В то же самое время они не сумели вовлечь население в демократический процесс, сделать его соучастником этого процесса. Дорожная карта «колеи и перевала» как раз и направлена на устранение этих недостатков предыдущего этапа. Демократический процесс должен пойти как кристаллизация новых привлекательных центров авторитета и силы, что включает не только переориентацию части элиты, организационные

усилия этих центров, но и движение снизу вверх. А не только сверху вниз, как было до сих пор. Такая последовательность позволит придать процессу надежную основу, выдвинуть достойных, завоевавших авторитет у местного населения лидеров. Нынешние так называемые демократические партии могут остаться от этого процесса в стороне. С новым поколением политиков возникнут и новые организационные структуры.

Предлагается начать с образования малых инициативных групп. В них должны войти прежде всего «реформаторы» из гнезда «недовольных», которые «устали только говорить и готовы что-то делать» (Розов, 2011. С. 496). Но также – и честных «службистов», куда автор включает не только активных деятелей из различных профессиональных групп, но и служащих из органов государственного управления, обороны и охраны правопорядка (Розов, 2011. С. 496). Можно полагать, что последние, чтобы не нарушать своих должностных обязанностей, будут выступать исключительно в качестве обычных активных граждан. Следующий этап – «естественно-искусственный». «Все начинается с того, что «естественно» появляются инициативные группы (кружки), они регулярно собираются вместе, задумывают свои будущие стратегии, программы деятельности, они же «искусственно» формируют пункты встречи, каналы коммуникации, организационные основы, переговорные площадки для облегчения формирования новых групп, для связи с ними и их поддержки» (Розов, 2011. С. 497). Пока что здесь описывается обычный процесс формирования нового политического сообщества. Мне он напомнил процесс формирования РСДРП в конце 1890-х гг. Различие начинается с определения целей. Они теперь включают защиту личности, прав, свобод и собственности, профилактику насилия, особенно в столкновениях между силами правопорядка и протестными выступлениями (Розов, 2011. С. 498). Иными словами, в центр внимания помещается защита либеральных и демократических ценностей, нарушаемых на местном уровне. Но сюда добавляется институциональное решение локальных и частных проблем» (Розов, 2011. С. 499). Таково важное уточнение, расширяющее, пусть и в «перспективе», круг решаемых проблем, не ограниченных только «малыми делами». Однако на начальном этапе предлагается сосредоточиться на «деполитизированном обсуждении» местных социальных проблем, вопросов экономического развития улучшения условий для бизнеса и инноваций, на проработке проектов институциональных реформ и т. д. (Розов, 2011. С. 501). Такая последовательность представляется совершенно правильной, если иметь в виду настроения населения, озабоченного, прежде всего, социальными и экономическими проблемами; именно через их решение можно и нужно завоевывать доверие граждан. В этой связи «проработка институциональных реформ» выглядит излишней и преждевременной. Автор и сам полагает, что «новые ритуалы эффективны только тогда, когда выстраиваются вокруг общественной деятельности, приносящей зримую пользу рядовым участникам» (Розов, 2011. С. 502).

Н.С. Розов задается важным вопросом, почему люди будут тратить время на такие встречи. Его ответ: «главной наградой является престиж участия в общественно-полезном деле, престиж общения со значимыми, известными фигурами, наконец, общественный резонанс – «паблисити» (Розов, 2011. С. 500). Он исходит из того, что «надеяться только на подвижнические мотивы было бы наивным прекраснородушием» (Розов, 2011. С. 500).

Оценивая свой план в контексте преодоления «перевала», автор пишет, что «до наступления острого политического кризиса, чреватого эскалацией насилия, уже силы перевала должны продвигаться в данных направлениях (консолидация инициативных групп, выработка стратегий и успешные ритуалы с вовлечением новых участников, формирование переговорных площадок, сети консолидации и т. д.)» (Розов, 2011. С. 503). В рамках данного этапа предполагается расширение круга честного бизнеса, что «означает формирование новой идентичности, новых символов» (Розов, 2011. С. 506). В данном отношении программа напоминает мне план Александра Богданова по переходу к социализму, начиная с формирования пролетарской культуры. Или, если угодно, с формирования протестантской религии при переходе к капитализму. Но уже этот этап, по мнению Н.С. Розова, способен повернуть контур социального капитала от деградации к развитию (Розов, 2011. С. 503–505), что будет реальным достижением для общества, а не только средством консолидации реформаторских сил. Автор надеется, что на следующем этапе, благодаря институциональным реформам и переделу ресурсных потоков из центра на места, удастся преодолеть системную коррупцию и обновить государственную службу новым поколением честных и компетентных чиновников (Розов, 2011. С. 508–510).

Констатируя господство апатии и цинизма в современной России, Н.С. Розов видит в предлагаемых им мерах помимо прямого эффекта способ повышения эмоциональной энергии граждан, в которой он справедливо усматривает важнейший фактор успешного развития общества (Розов,

2011. С. 518–520). Успехи демократических реформ и модернизации позволят постепенно заменить высшие ценности и символы: вместо традиционных для российского населения («царь», «порядок», «сильная рука») – либеральные, основанные на правах и свободах личности, собственности, уважении к таланту, образованности и т. д. (Розов, 2011. С. 522). Смена высших ценностей и символов, смена соответствующих идентичностей, повседневных практик и стратегий успеха в условиях институциональной трансформации – все это в комплексе и будет означать, что перевал пройден. Такая задача смены символов многократно ставилась либеральными идеологами в перестройку и постсоветский период. Но, помимо прочности традиционных ценностей, распространению новых провозглашаемых символов решающим образом мешал вопиющий разрыв между ними и повседневной действительностью, что дискредитировало либеральные ценности. Предлагаемая в книге «дорожная карта» призвана преодолеть этот разрыв. Даже если это займет целую эпоху.

4. Место геоэкономики и геополитики в обеспечении демократизации и модернизации российского общества

Н.С. Розов полностью отдает себе отчет в том, что преодолеть перевал только через внутренние общественно-политические процессы не удастся. Данный вывод опирается на трезвый учет реальных сил России в настоящее время, а также на особенности современного глобализованного мира. Этим определяется большая роль, которая отводится в книге геоэкономике и геополитике (Розов, 2011. Гл. 18–21). Не имея возможности подробно изложить эту часть книги, обрисую ее общий смысл.

Автор исходит из того, что главной тенденцией современного мира является преобладание в нем (неолиберальной, мондиалистской) Мегатенденции I, которую олицетворяют развитые модернизированные – капиталистические и демократические – страны. Отчасти в оппозиции, отчасти в союзе с ней выступает альтерглобалистская, гуманистическая, эгалитаристская Мегатенденция III. Для России встроиться в русло этой широкой коалиции означает приобщиться к так необходимым ей демократии, принципам правового общества и модернизации. Поэтому союз с Западом – это вопрос не только обретения необходимых России ценностей, но и трезвого расчета. В этом плане автор отвергает взгляды сторонников «особого пути» России, которые представляются ему тупиковыми. Вместе с тем, очевидно, следует ответить на вопрос: почему следование Россией этому курсу в постсоветский период не привело ее ни к процветанию, ни к подлинной демократии.

При этом Н.С. Розов не закрывает глаза на негативные тенденции развития капиталистических стран, особенно сильно проявившиеся в ходе финансового кризиса 2008–2009-х гг. Он достаточно квалифицированно для неэкономиста анализирует эти негативные явления. Предлагаемые им методы устранения выявившихся в ходе этого кризиса негативных явлений являются весьма оригинальными (Розов, 2011. С. 531–538), заслуживающими внимания и обсуждения.

Начиная обсуждение вопроса о неудаче России в постсоветский период поднять свой миросистемный статус (фактически он значительно снизился) автор, прежде всего, отвергает «параноидальные идеи» Проханова, Кургиняна, М. Леонтьева о том, что «враждебные силы (Запад) намеренно вытесняют Россию, пытаются ее ослабить и проч.» (Розов, 2011. С. 550). Эта проблема заслуживает, по моему мнению, более взвешенного подхода и анализа. Защитники идеи враждебности Запада – весьма талантливые и авторитетные люди, не заслуживающие столь пренебрежительной оценки. Даже видные западные либеральные экономисты (Сакс, Ослунд) признают, что в самый трудный первый постсоветский период западные страны оказали совершенно недостаточную экономическую помощь России (в отличие от стран Центральной Европы), но, я добавлю, очень охотно принимали бегущие из России капиталы и талантливых людей, охотно мирились с прогнившим и насквозь коррумпированным ельцинским режимом. Избавиться от сильного конкурента – это вполне в духе лидеров рыночной экономики. Хотя часто такая политика бывает недалевидной даже для победителей.

Верно и то, что сама Россия, на чем настаивает автор «Коллеи и перевала», упустила многие возможности. Он подчеркивает, что «повышение миросистемного статуса даже в рамках полупериферии, не говоря уже о прорыве в ядро, может быть только результатом сочетания эффективной геоэкономической стратегии, адекватной состоянию мировых рынков, прочного альянса, консенсуса государства и бизнеса, конкурентоспособности производимой продукции, весьма напряженного труда большей части населения, которое нужно еще для этого мотивировать. Ничего этого в России нет и в помине» (Розов, 2011. С. 550). В этой части книги речь идет преимущественно о геоэкономической стратегии. Примечательно, однако, что в качестве первой российской предпосылки миро-

системного роста Розов считает необходимость учитывать черту российского менталитета – служения во имя высших целей. «...С этой точки зрения только те геоэкономические принципы будут приняты и успешны в России, в которых будут фигурировать некие высшие ценности, достойные служения. «Величие России», понятое как высокий геоэкономический и геокультурный престиж, входит в число этих ценностей, но отнюдь не исчерпывает ее. В российском менталитете достойно не только «величие», но и «правда» – высшее нравственное начало» (Розов, 2011. С. 552). Под этим охотно подписались бы Проханов, Кургинян и М. Леонтьев, хотя под правдой они понимают, скорее, нечто «духовное» – религиозно-государственническое, а вовсе не общегуманистическое, гражданское и правовое.

При взаимодействии с партнерами в рамках Мегатенденций I и III автор настаивает на принципах справедливости и партнерства, коалиций с автономией участников, учета чужих интересов и привлечения качеством, демонополизации геоэкономической сферы (Розов, 2011. С. 553). Именно этих принципов не хватало России и миру в 1990-е гг., в немалой степени потому, что не доставало геоэкономического и геокультурного престижа и влияния. За эти принципы надо бороться.

Среди условий повышения миросистемного статуса применительно к современной России Н.С. Розов называет и способность мобилизовать (не любимое либералами слово) ресурсы, но не в прежних, изживших себя формах, а с помощью сочетания стимулов социального престижа, экономического вознаграждения и традиций служения (Розов, 2011. С. 557).

При всей приверженности автора идеям геоэкономического и геокультурного престижа России, он не видит в нынешнем раскладе мировых сил и в реальном положении России другого выхода на ближайшие десятилетия, как искать миросистемного патрона. «Перепрыгнуть» из периферии в ядро мировой экономики никому никогда не удавалось, и нам не удастся. Значит, перспектива на ближайшие десятилетия (как минимум) – поиск ниши и укрепление России в срединном статусе «полупериферии» (Розов, 2011. С. 559). Может показаться, что здесь автор перехватил через край, указав для России место в полупериферии как видимую стратегическую цель. Периферией Россия все-таки не была, судя по большинству показателей, начиная с XVIII в. (хотя по некоторым из них – была и тогда, и сейчас). Но по мне, лучше даже несколько стусить краски, чем лакировать действительность. Тем более что России легко скатиться на позицию мировой периферии при неблагоприятных внешних и внутренних условиях.

В качестве предпочтительного миросистемного патрона для России автор видит Объединенную Европу. В ней он усматривает противовес уже начавшемуся давлению на Дальний Восток и Сибирь со стороны Китая, Японии и США (Розов, 2011. С. 559). Можно было бы привести и другие доводы в пользу выбора именно этого патрона, раз без патрона не обойтись. Они хорошо известны, не стану повторять. Наибольшие опасения у автора вызывает сложность убеждения Европы стать патроном России, поскольку это связано с немалыми издержками. Аргументом для Европы может, по мнению Н.С. Розова, стать необходимость освобождения от «тяжелых» производств, для чего Россия в силу относительной географической близости может оказаться предпочтительней других вариантов (Розов, 2011. С. 559–560). Можно найти и дополнительные аргументы для Европы в пользу патронажа России, не менее важные, например, безусловное усиление геополитических и геоэкономических позиций ЕС в конкуренции с США и Китаем. Еще де Голль мечтал о Европе от Лиссабона до Урала. Н.С. Розов видит огромные трудности на этом пути, прежде всего, в слабости нынешней Европы, которую он справедливо называет рыхлой, слабоуправляемой и вовсе не единой (Розов, 2011. С. 558). Видя колоссальные трудности, которые испытывает ЕС со своими южными и восточными членами, можно усомниться в его готовности взвалить на себя еще бремя патрона колоссальной России. Так что надо быть готовым к поискам другого патрона, например, Китая. Конечно, автор «Колеи и перевала» от такого патрона откажется, поскольку он уж точно не поведет Россию по намеченному пути из колеи циклов.

В качестве клиентов России он рассматривает ее слабо развитые собственные периферии-провинции, особенно Сибирь и Дальний Восток, а также страны СНГ. И то и другое требует огромных финансовых, трудовых и интеллектуальных ресурсов, которых России пока остро не хватает.

Большое внимание автор уделяет обоснованию разнообразных возможностей центрального географического положения России по отношению к соседям. В этой связи им обсуждаются многочисленные проекты прокладки по территории России трансконтинентальных транспортных коридоров (Розов, 2011. С. 574). Эта идея многократно высказывалась в постсоветский период. Ее уязвимым местом я считаю относительную дороговизну сухопутного транспорта по сравнению с

морским. Возможно, какие-то новые технологии (например, струнный транспорт) позволят когда-то преодолеть этот недостаток.

Н.С. Розов далек от весьма распространенного среди его единомышленников благодушного отношения к геополитическим угрозам России, рассматриваемым ими лишь как пропагандистское обеспечение растущих военных расходов для ублажения «силовиков». В этой части работы (Розов, 2011. Гл. 20–21) наибольшее впечатление на меня произвел анализ угроз со стороны Китая. Автор убедительно (на мой, возможно, мало просвещенный в этой области взгляд) анализирует военную стратегию Китая и показывает, что она имеет цель создать предпосылки для геополитической экспансии в богатые ресурсами и малонаселенные регионы российского востока (Розов, 2011. С. 578). В этой связи мне вспоминается, что кумир нынешних китайских коммунистов Дэн Сяопин вслед за Мао Цзэдуном подтвердил в беседе с Михаилом Горбачевым в 1989 г. претензии Китая на огромные территории Восточной Сибири и Дальнего Востока. Самостоятельно отбить эти угрозы Россия вряд ли сможет, и ей останется либо мирно капитулировать, либо искать патронажа Запада, который не заинтересован в чрезмерном усилении Китая.

Значительный интерес представляют пять обширных приложений к основному тексту книги.

В первом приложении, красноречиво названном «Апрельские тезисы 2.0», теоретические положения конкретизируются в практическом ключе политической стратегии. Здесь обращает на себя внимание обоснование перехода от (фактически) суперпрезидентской к парламентско-президентской системе правления и финансовой децентрализации.

Второе приложение представляет собой «Памятку гражданскому и политическому активисту», в которой содержится практическая инструкция активистам по последовательному разворачиванию общественной и политической работы. Такая инструкция – редчайший случай в философской работе. Видно, что автор не настроен ограничиваться функцией мудрого советчика, а хочет увидеть воплощение своих взглядов как можно скорее. В обоих приложениях отчетливо видно влияние Ленина – величайшего революционного стратега и тактика, хотя автор и выразил недвусмысленно крайне негативную оценку его политических и моральных позиций.

5. Слабые места книги и сомнения по поводу

После того как я дал очень высокую оценку книге, ее научному и общественно-политическому значению, поделюсь своими концептуальными (частные уже высказаны по мере изложения) возражениями и сомнениями в отношении ее содержания.

5.1. Причины русской власти

Н.С. Розов, как и другие цитируемые им либеральные критики русской власти, избегают анализировать причины ее возникновения. Тем самым они облегчают себе задачу ее критики и возможности ее преодоления. Гораздо более убедительны западные либеральные историки, которые ищут объективные причины такой власти. Так, Ричард Пайпс, подробно анализируя географические условия России и отмечая вызванную преимущественно ими низкую урожайность зерновых, отмечает, что в таких условиях «невозможна высокоразвитая политическая жизнь» (Пайпс, 1993. С. 19). Сомнения в возможностях «иной власти» в России усиливаются благодаря тому, что ее альтернативы в виде Новгородского княжества и Литовского княжества оказывались менее жизнеспособными, чем Московское государство.

На меня огромное впечатление произвели рассуждения маркиза де Кюстина по этому поводу. Его знаменитое произведение «Россия в 1839 году» знают в России преимущественно по первому тому, в котором он гневно обличает русскую власть (этот том преимущественно и переводили). Но во втором томе, относительно недавно полностью переведенном, Кюстин, наблюдая сельскую Россию, отходит от обличительности первого тома. Он находит русскую власть, к его сожалению, наиболее естественной для России, учитывая ее почвенно-климатические условия.

Обращаясь к истории уже СССР, более мне знакомой, отмечу печальную закономерность отказа от нэпа и перехода к командной экономике и мобилизационному обществу в конце 1920-х гг. Либеральный нэп оказался не в состоянии решить проблемы модернизации советской экономики⁴. В сущности, СССР конца 1920-х в военном, образовательном и экономическом отношении был конченной страной. Вырваться из этого состояния, не становясь колонией или полукolonией, можно было лишь ценой колоссальных усилий и огромных жертв, что и было проделано в 1930–40-е гг. Следует отметить, что почти в аналогичном положении, с учетом новой мировой обстановки, находится и современная Россия. Здесь тоже требуются колоссальные ресурсы для модернизации российской

⁴ Впервые об этом, опираясь на исчисленные мною альтернативные оценки советской экономики, я поделился еще в 1989 г. в статье «Почему и когда погиб нэп» (Ханин, 1989).

экономики (Ханин, Фокин, 2011). Как их извлечь у населения, опираясь на его добровольное согласие, требуемое в демократическом обществе, учитывая, что речь идет о сокращении личного потребления в 2 раза?

Огромные сложности создают для политического и экономического развития России такие факторы, как нахождение 60% ее территории, где размещаются многие богатые природные ресурсы, за Полярным кругом с экстремальными климатическими условиями, наличие около 150 наций и национальностей, нескольких мировых религий. С трудом представляю себе возможность удержать такую территорию без очень сильной власти.

5.2. Запоздалость концепции

Трудно возражать против желания сойти со старой колеи русской власти, принесшей много горя российским народам. Такие попытки делались неоднократно, и все они, как правильно пишет Н.С. Розов, заканчивались неудачей. Последний раз в перестройку и в постсоветский период. В немалой степени это происходило из-за поверхностной стратегии и тактики реформ. Предложенный Розовым план намного более реалистичен и продуман, чем предыдущие. Автором «Колее и перевала» сделаны выводы из предыдущих попыток. К сожалению, как мне представляется, этот план запоздал для реализации. Так уже не раз бывало в истории России.

Для более или менее успешного перехода к демократии требуются определенные предпосылки. Помимо уже набившей оскомину (но справедливой) роли среднего класса, для демократизации требуется согласие большинства населения с демократической властью. Этого можно добиться, если она обеспечивает повышение уровня жизни большей части населения, как минимум, его сохранение. Такое было возможно в период перестройки на основе сокращения огромных военных расходов, излишних капитальных вложений, субсидий убыточным отраслям, размеров экономической помощи другим странам. Этот шанс был бездарно упущен. Теперь его нет. Напротив, для обеспечения даже скромного экономического роста требуется колоссальное сокращение личного потребления.

Даже при условии, что удастся добиться (а это очень непросто) перенесения основной части жертв на состоятельные слои населения (речь идет о сокращении их доходов в 6 раз), немалые жертвы придется перенести и остальной части населения, кроме самой бедной. И это не на один-два года, а как минимум и при наилучших условиях – лет на десять. Представьте себе президентские и парламентские выборы, где либеральный претендент или партия обещают сократить доходы основной части населения на 20–30% на долгие десять лет. Много они соберут голосов?

Не придется ли переходить к демократии, предварительно пройдя путь жесткого авторитаризма до выхода на магистраль устойчивого экономического роста, в общем, по старой колее? Н.С. Розов считает этот путь тупиковым и даже безнадежным. Но он в нынешних условиях, к сожалению, выглядит безальтернативным.

5.3. Перераспределение доходов

Автор неоднократно в тексте осуждал чрезмерное расслоение населения и рассматривал его как причину кризисов многих предыдущих цивилизаций и режимов, в том числе и в истории России. Можно было ожидать, что в его «дорожной карте» найдет значительное место вопрос: как лучше привлечь симпатии населения – только пообещав ему сокращение огромных доходов богатейшей части. А о том, что они огромны, говорят расчеты ряда экономистов (в том числе и мои), согласно которым реальный децильный коэффициент в России составляет 25–30 раз вместо «около 15 раз» по данным Росстата и является одним из самых больших в мире. К сожалению, эта ключевая проблема в книге не получила отражения.

5.4. Анализ социальной структуры общества

Рискуя прослыть ретроградом, отмечу, что в книге мне не хватает тщательного анализа социальной структуры современного российского общества. Такой анализ был сильной стороной марксистских социальных исследований. Какую долю отдельные классы и социальные слои занимают в производстве ВВП, общественном богатстве, доходах населения, какова их эффективность и жизнеспособность? Приведу только в качестве примера вопрос о российской буржуазии. Автор к ней относится в целом положительно, видит в частной собственности основу цивилизованного общества. Вместе с тем в книге содержатся и довольно скептические оценки потенциала современной российской буржуазии. Судя по результатам экономического развития России в постсоветский период, они достаточно обоснованны. Возможно, это объясняется молодостью буржуазного класса, препятствиями со стороны бюрократии. Данный вопрос заслуживал более тщательного рассмотрения.

5.5. Отношение к советскому наследию

Этот период рассматривается в книге как один из тупиковых в российской истории и исчерпавший себя. Объективная обусловленность предыдущим развитием рассматривается преимущественно как продолжение российской «колеи» циклов. Но можно ли отрицать, что в этот период впервые за всю российскую историю, пусть и очень дорогой ценой, удалось в кратчайший срок осуществить технологическую, образовательную и бытовую модернизацию, превратить Россию в одну из двух сверхдержав мира? Колоссальная цена является, во многом, платой за предыдущее многовековое отставание. В этом вопросе есть и еще один очень важный аспект. Можно ли, в принципе, выскочить из советской цивилизации? Впервые этот вопрос среди противников коммунизма (сторонники давно говорили, что социализм в СССР победил полностью и окончательно) поставил еще в 1990-м г. Лех Валенса. Тогда, напомню, говоря о переходе от социализма к капитализму, он сравнил это с попыткой из ухи сделать аквариум. Возможно, неудачи России в постсоветский период связаны с этим.

6. Заключение

Н.С. Розов предлагает весьма изобретательный и намного более реалистичный, чем у других российских либералов, путь перехода к демократическому и модернизированному обществу. Его план учитывает огромный мировой опыт демократизации и модернизации, а также исторические особенности России и ментальности ее населения. Он говорит (вопреки названию) не только о стратегии, но и о тактике этого перехода. При всей содержательности и изобретательности этого плана (лучшего, какой я знаю в этом течении политической мысли), он, на мой взгляд, в ближайшей (10–15 лет) исторической перспективе мало реалистичен. Что не лишает его ценности на более длительный период. Но не менее утопичны и другие известные мне планы модернизации России, выдвигаемые государственниками. Среди их авторов тоже есть талантливые мыслители (Сергей Кургинян, Сергей Кара-Мурза, Максим Калашников и Сергей Кугушев, Михаил Юрьев, Сергей Глазьев). Их проекты тоже изобретательны и отнюдь не сводятся к повторению прежних образцов российской власти и истории, к которым они относятся с уважением, как к вынужденным. В то же время эти проекты мне представляются оторванными от реального состояния современного российского общества, поведения его граждан. Я уже не говорю о слабом понимании ими реального состояния российской экономики и ее научно-образовательного обеспечения, их реальных возможностей. Я веду здесь речь не о слабом знании их авторами, преимущественно неэкономистами, макроэкономической статистики либо недооценке ими упадка российской экономики или научно-образовательного комплекса, которые они страстно обличают, а о недооценке ими колоссальных трудностей преодоления этого состояния. Они склонны надеяться либо на технологические чудеса (Калашников, Глазьев), без учета отсутствующих их предпосылок, либо на проведение социальной мобилизации по образцу Ивана Грозного, Петра I и Иосифа Сталина, без достаточного учета огромных потерь человеческого потенциала в XX и начале XXI вв. и потерей им пассионарности.

Говорит ли это об обреченности России? Не обязательно. Может неожиданно появиться гений, который укажет новый путь. Впрочем, политики будут, как и до сих пор, действовать больше из соображений текущей политической целесообразности и конъюнктуры. Иногда им может улыбнуться и удача. Пусть не надолго.

ЛИТЕРАТУРА

- Калашников М., Кугушев С. (2006). Третий проект. Спецназ всевышнего. М.: АСТ-Астрель.
- Пайпс Р. (1993). Россия при старом режиме. М.: Независимая газета.
- Розов Н.С. (2011). Колея и перевал: макросоциологические основания стратегий России в XXI веке. М.: РОССПЭН.
- Ханин Г.И. (1989). Почему и когда погиб нэп // *ЭКО*, № 10, с. 66–83.
- Ханин Г.И. (1991). Динамика экономического развития СССР. Новосибирск: «Наука».
- Ханин Г.И. (2013). Современная российская буржуазия (опыт экономического эскиза) // *Terra economicus*, т. 11, № 1.
- Ханин Г.И., Фомин Д.А. (2008). Экономические реформы в России: макроэкономический анализ // *ЭКО*, № 5.
- Ханин Г.И., Фомин Д.А. (2011). Деньги для модернизации: сколько их нужно и где их взять // *Свободная мысль*, № 1, с. 45–60.
- Ханин Г.И., Фомин Д.А. (2013). В России начался экономический кризис и, скорее всего, он будет долгим // *Terra Economicus*, т. 11, № 2.

Ханин Г.И., Фомин Д.А. (2014). Второй год очередного кризиса в России: экономические итоги января 2014 года // *HRазведка*, 26 февраля (<http://hrazvedka.ru/guru/xanin-g-i-fomin-d-a-vtoroj-god-ocherednogo-krizisa-v-rossii-ekonomicheskie-itogi-yanvary-2014-goda.html>).

REFERENCES

Kalashnikov M. and Kugushev S. (2006). The third project. Almighty's special forces [Tretii proekt. Spetsnaz Vsevyshnego]. Moscow: AST-Astrel Publ. (In Russian.)

Khanin G.I. (1991). The dynamics of economic development of the USSR. Novosibirsk: Nauka Publ. (In Russian.)

Khanin G.I. (2013). Contemporary Russian bourgeoisie (the trial economic sketch). Terra Economicus, no. 1, pp. 9–28 (http://te.sfedu.ru/evjur/data/2013/journal11_1_1.pdf). (In Russian.)

Khanin G.I. and Fomin D.A. (2008). Economic reforms in Russia: macroeconomic analysis. ECO, no. 5. (In Russian.)

Khanin G.I. and Fomin D.A. (2011). Money for modernization: how much is it needed and where to get it. Svobodnaya mysl, no. 1 (1620), pp. 45–60. (In Russian.)

Khanin G.I. and Fomin D.A. (2013). The economic crisis has emerged in Russia – most likely, for a long time.... Terra Economicus, vol. 11, no. 2, pp. 6–13 (http://te.sfedu.ru/evjur/data/2013/journal11_2_1.pdf). (In Russian.)

Khanin G.I. and Fomin D.A. (2014). The second year of another crisis in Russia: economic results of January 2014. HRazvedka, February 26 (<http://hrazvedka.ru/guru/xanin-g-i-fomin-d-a-vtoroj-god-ocherednogo-krizisa-v-rossii-ekonomicheskie-itogi-yanvary-2014-goda.html>). (In Russian.)

Pipes R. (1993). Russia under the old regime. Moscow: Nezavisimaya gazeta Publ., 424 p. (In Russian.)

Rozov N.S. (2011). Track and Pass: Macrosociological Fundament for Strategies in Russia in 21st Century. Moscow: ROSSPEN Publ. (In Russian.)

Khanin G.I. (1990). Why and When Did NEP Die?: An Economist's Reflections. Problems in Economics, vol. 33, Issue 4, pp. 6–26. DOI: 10.2753/PET1061-199133046. Published online: 08 Dec 2014.